

МЫСЛЕРЕЧЬ КАК НАРКОТИК, МЕТАФОРА КАК ЛЕКАРСТВО: О МОДЕЛИ ЯЗЫКА В «ПОСОЛЬСКОМ ГОРОДЕ» Ч. МЬЕВИЛЯ

*Сериков А.Е.
г. Самара, Россия*

Роман Мьевиля «Посольский город» интерпретируется как описание серии мысленных экспериментов, придуманных с целью прояснения ряда вопросов о сущности языка. Могут ли высказывания на человеческих языках быть осмысленными даже тогда, когда за ними не скрываются состояния живого сознания? Насколько реальна парадоксальная ситуация, описанная Мьевилем: общение на мыслеречи предполагает непосредственное выражение индивидуальных состояний сознания с помощью слов, известных всем? Как слова общего языка могут выражать индивидуальные состояния? Что можно рассматривать в качестве аналога инопланетной мыслеречи в нашей человеческой реальности? Существуют ли знаковые системы, напрямую изменяющие состояния человеческого сознания и вызывающие наркотическую зависимость?

Ключевые слова: теория языка, семиотика, семантика, сознание, индивидуальный язык, знак, значение, смысл, метафора, фантастическая литература.

Англоязычный оригинал романа Чайны Мьевиля «Посольский город» был опубликован в Британии издательством «Pan Macmillan» и в США издательством «Del Rey Books» в 2011 г. На русский язык роман переведен Натальей Екимовой и опубликован издательством «Эксмо» в 2013 г. В 2011 г. роман был награжден премией «Неффи» и объявлен лучшей книгой года по версии сайта SF, в 2012 – награжден премией «Локус», в 2014 – премиями «Игнотус» и «SFinks».

Роман Мьевиля можно интерпретировать как описание серии мысленных экспериментов, придуманных с целью прояснения сущности языка. Представим себе расу разумных существ, речь которых является непосредственным выражением их внутренних состояний. Чем будет отличаться их язык от человеческих языков? Смогут ли они понимать речь, синтезированную искусственным интеллектом? Смогут ли они лгать? Смогут ли осваивать языки других рас? Смогут ли они разговаривать с людьми и при каких условиях?

Действие романа происходит в далеком будущем, на окраине освоенного людьми космического пространства. Аборигены планеты Ариэка общаются на совершенно уникальном языке, аналога которому нет нигде в обитаемой Вселенной. Он воспринимается ими в качестве языка только тогда, когда говорящий является живым существом, обладающим сознанием.

Если речь инопланетян синтезировать с помощью компьютера, они слышат лишь ничего не значащий шум. Ситуация общения с ними осложняется тем, что каждый инопланетянин обладает двумя ртами, и всякое слово обязательно должно произноситься в два голоса. Поэтому от имени людей с инопланетянами могут общаться лишь специально выращенные клоны-близнецы, натренированные с детства мыслить как один человек и умеющие синхронно произносить каждый свою партию. Такие люди называются послами, и на них держатся все взаимоотношения с Хозяевами, как уважительно называют аборигенов на Ариэке. События закручиваются, когда со столичной планеты прибывает новый посол, являющийся не парой клонов-близнецов, а двумя совершенно разными людьми, чье сознание синхронизировано с помощью специальных вживленных в их мозг чипов. Новый посол начинает говорить с Хозяевами, и его речь действует на Хозяев как наркотик. Они сходят с ума, забрасывают все дела и хотят лишь вновь и вновь слышать голос посла. Развязка наступает, когда героиня романа догадывается научить инопланетян метафоре и ей удается это сделать, после чего Хозяева постепенно формируют новый, символический в своей основе язык и освобождаются от наркотической зависимости.

Итак, инопланетяне общаются на несимволической мыслеречи, слова и выражения которой выражают только то, что существует на самом деле. Между словами и реальностью нет никакой дистанции. Поэтому инопланетяне не могут лгать и у них нет письменности. И по той же причине они не понимают синтезированную речь: для них существенно важно, чтобы произносимые слова приоткрывали реальность живого сознания. Слова, которые воспринимаются ими в качестве слов, а не просто шума, вызывают у них состояния, аналогичные состоянию говорящего.

«— Нет другого языка, который работал бы так же, — сказал Скайл. — "Человеческий голос способен постигать себя как звук самой души".

— Кто это говорил? — спросила я. Ясно было, что он цитирует.

— Не помню. Философ какой-то. Всё равно это не верно, и он это знал.

— Или знала.

— Или знала. Это не верно, по крайней мере, для человеческого голоса.

Но ариэкаи... говоря, они и вправду в каждом голосе слышат душу. Так у них передаётся смысл. В словах есть... — Он с сомнением покачал головой, а потом сказал просто, как говаривали в старину: — В них есть душа. Она должна быть, чтобы был смысл. Слово должно быть правдой, чтобы стать Языком. Вот зачем они делают сравнения» [3].

В связи с этим возникает ряд вопросов о человеческих языках. В частности, действительно ли следует из их символической природы, что

высказывания на человеческих языках могут иметь значение и быть осмысленны даже тогда, когда за ними не скрываются состояния живого сознания? И как решить, что у кого-то есть живая душа, а у кого-то ее нет? В чем разница между смыслом (значением), основанным на живом опыте, и смыслом, возникшим вследствие повторения слов, за которыми нет живого опыта?

В качестве образца нанизанных друг на друга слов, за которыми нет реального опыта, можно привести текст из другого фантастического романа. В «Айфаке 10» Виктора Пелевина искусственный интеллект придумывает вымышленного философа Жан-Люка Бейонда. Имя взято из названия сборника «Freud, Lacan, and Beyond», кстати, вполне реального [6]. В романе Пелевина название этой книги интерпретируется так: Фрейд и Лакан – полный отстой, а Бейонд – реально крутой автор. Отрывки из книги Бейонда «Время и ничто» синтезируются на основе текстов Мартина Хайдеггера и Жан-Поля Сартра.

Например, такой: «...Казалось бы, цель достигается, когда завоевано бытие, имеющее ключ к моей размерности – и я могу с его помощью ассимилировать сознание другого. Но, по правде говоря, это всего лишь фундаментальная реакция на отсутствие-для-другого как первоначальную ситуацию (хотя в объективном смысле первоначальной ситуации здесь нет). Во избежание недоразумения надо объяснить, в каком смысле здесь говорится о других: они здесь – лишь остаток прочих помимо меня, из которых выделяется «Я»: другие – это те, и со-присутствие с ними не имеет онтологического характера «со-наличия» («со» здесь присутствиеразмерно). Другой, таким образом, сразу теряет ключ от моего бытия-объекта – и овладевает просто моим образом; если я могу трансцендировать его возможности к моим, то лишь потому, что он встречен мною не в заранее различающем выхватывании указанного феноменального обстоятельства, а в стихийном модусе узнавания, где он является просто объектом и как таковой не в состоянии признать мою свободу. Мое разочарование полное, поскольку я могу действовать на другого лишь в силу того, что я здесь он во. кто как. я тут он не. где там. другое нет. шел шл сюда. где был. завтра уй. мож тепеть. жить ой. но да» [4].

Для того чтобы услышать набор слов, за которым не стоит опыт живой души, совсем не обязательно присутствовать на конкурсе чат-ботов, стремящихся пройти тест Тьюринга. Достаточно попросить нерадивого студента прочитать вслух реферат, скачанный им в сети. Живая душа студента в этом случае проявляет себя только в желании обхитрить преподавателя, большинство фраз реферата для нее не связаны с каким-либо

ее собственным опытом, не имеют для нее никакого значения. Но такая презентация будет иметь некий коммуникативный смысл. Например, преподаватель может попросить студента написать реферат самостоятельно, решив, что студент нарушает правила игры. Т.е. преподаватель чувствует, что за словами реферата нет живой студенческой души, примерно так же, как член жюри на конкурсе Лёбнера [7] чувствует, что имеет дело с компьютерной программой, а не живым человеком.

Получается следующее: в качестве экспертов мы знаем о себе, что мы живые и имеем живой опыт определенных вещей, можем осмысленно говорить о них на основании этого опыта и построенных с его помощью метафор. Когда нам кажется, что кто-то ведет себя так, как вели бы себя на его месте мы, и говорит что-то, что могли бы сказать на его месте мы, он кажется нам живым и имеющим соответствующий опыт. Я не знаю, могут ли существовать философские зомби, но если могут, то их таким способом не выявишь. Ведь на внешнем уровне зомби должны вести себя точно так же, как и живые люди.

Если говорить о мысленных фантастических экспериментах, когда-нибудь может появиться метод различения человека и зомби, основанный на перезаписи живой души в новое тело (чем бы она ни оказалась с технической точки зрения). Если появится надежная работающая технология клонирования тела человека и технология изъятия души из одного тела для перемещения в новое, то тело без души и будет тем самым зомби, поведение которого мы сможем наблюдать. Если появится технология пересадки души в искусственно произведенное небиологическое тело, это станет доказательством того, что искусственный аппарат может обладать человеческой личностью. Возможно, появятся такие ИИ, которые будут размещаться в человеческих телах. Подобные технологии существенно изменили бы контекст обсуждения трудной проблемы сознания.

Насколько реальна парадоксальная ситуация, описанная Мьевилем: общение на мыслеречи предполагает непосредственное выражение индивидуальных состояний сознания с помощью слов, известных всем? Как слова общего языка могут выражать индивидуальные состояния?

Вслед за Людвигом Витгенштейном и Солом Крипке я считаю, что язык мысли не существует в качестве индивидуального правила, индивидуальной языковой игры. Но, в принципе, мыслеречь может существовать — если ее понимать как последовательность состояний синхронно разряжающихся нейронов. Например, Константин Анохин и его коллеги развивают теорию, согласно которой каждый элемент информации в человеческом мозге кодируется путем формирования соответствующей ему

сети нейронов [1]. Среди этих нейронов есть такие, которые связаны с индивидуальным опытом, поэтому мыслеречь вполне реальна. Но есть и такие нейроны, которые связаны с языковыми категориями, поэтому состояния сознания могут быть выражены языком.

В чем загвоздка? Мьевиль намекает на то, что язык ариекаев не допускает двусмысленностей, поэтому они не могут лгать. Получается, что нейронные сети мозга инопланетян таковы, что включают «языковые» нейроны, привязанные только к одной языковой категории. В отличие от нейронных сетей мозга людей, опыт которых может на нейронном уровне быть связан с несколькими языковыми категориями. Что и является нейронной основой способности людей к метафорическому восприятию реальности, к многозначности языка и синонимии. Т.е., хотя Мьевиль и не пишет об этом напрямую, можно предположить, что описанные им инопланетяне и их язык могли бы существовать лишь при условии, что их биология и образ жизни каким-то образом связывали элементы опыта лишь с ограниченным количеством языковых категорий. Но при этом должна существовать принципиальная возможность изменения ситуации, ведь в конце романа инопланетяне осваивают метафоры и символический язык.

Язык ариекаев похож на языки некоторых земных животных, способных обмениваться некоторыми своими состояниями напрямую. Например, тревожными сигналами во время совместного бегства от хищника, агрессивными состояниями во время совместного отпугивания хищника и вообще состояниями в ходе так называемого заразительного поведения. Очевидными примерами того, как проявляется заразительное поведение в человеческой жизни, являются заразительный смех и зевота, заражение эмоциями в толпе. Менее очевидной является врожденная склонность людей непосредственно считывать эмоциональное состояние других. Эта способность к эмпатии присуща разным людям в разной степени и, возможно, зависит от воспитанного в человеке умения интерпретировать внешние выражения эмоций. Тем не менее, язык эмоций можно рассматривать как человеческий аналог фантастического языка ариекаев.

Речь нового человеческого посла неожиданно вызывает у инопланетян измененные состояния сознания и становится наркотиком. Что может быть аналогом наркотической речи в нашей жизни? Существуют ли знаковые системы, напрямую изменяющие состояния человеческого сознания и вызывающие наркотическую зависимость? Чисто теоретически можно представить музыку, поэзию или прозу, вызывающую наркотическую зависимость. Но на практике этого не наблюдается. Слишком велик зазор между знаками, с одной стороны, и тем состоянием тела и сознания, который

они способны спровоцировать, с другой. На практике аналогом наркотической мыслеречи может быть видеопорнография, влияние которой на организм, по мнению многих ученых, очень напоминает действие наркотиков, т.е. вызывает привыкание и требует постоянного увеличения дозы [2]. О степени ее распространения можно косвенно судить на основании следующего факта: в 2009 г. канадский исследователь Симон Луи Лаженесс хотел провести сравнительное тестирование потребляющих и не потребляющих порнографию студентов, но не смог найти никого, кто бы не был с ней знаком [8].

Сначала у ариекоев нет символического языка, нет дистанции между их состояниями и словами, выражающими эти состояния. То есть их состояния и есть эти слова, слова и состояния совпадают. Давая им прослушать странные, необычные слова, люди вводят ариекоев в измененное состояние сознания, в наркотический ступор. Наркотическая мыслеречь вызывает зависимость. Вылечить инопланетян от этой зависимости можно, лишь научив их создавать дистанцию между состоянием сознания и словами, между тем, что они есть, и тем, что они говорят. Это создает рефлексию, учит занять позицию наблюдателя и избавляет от рабства. Если люди могут быть рабами своих эмоциональных состояний, то лекарство, которое прописывают нам стоики и буддисты, – научиться наблюдать свои эмоциональные состояния со стороны. Это будет первый шаг к тому, чтобы освободиться. Для ариекоев такое внешнее наблюдение за собой становится возможным, лишь когда они учатся создавать и использовать метафоры, учатся общаться на символическом языке. Что из этого следует применительно к ситуации людей? Не является ли это иллюстрацией идеи, что наша возможность занимать дистанцию по отношению к собственным состояниям, само существование самости, которая может занять такую дистанцию, связаны с обладанием символическим языком, со способностью мыслить метафорами и другими тропами?

Литература

1. Анохин К. Внутри Вавилонской библиотеки мозга. 2-я лекция. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/292929/video_id/292929/viewtype/
2. Башкиров А. Как порно перестраивает ваш мозг и разрушает личную жизнь. URL:

http://www.chaskor.ru/article/kak_porno_perestraivaet_vash_mozg_i_razrushaet_lichnuyu_zhizn__34945

3. Мьевиль Ч. Посольский город / Пер. с англ. Н. Екимовой. Издательство «Эксмо», 2013. URL: <http://knijky.ru/books/posolskiy-gorod?page=28>

4. Пелевин В.О. iPhuck 10. М.: Издательство «Э», 2017. С. 327-328. URL: <http://reading-books.ru/prosa/sovremennaya/page,45,597-iphuck-10.html>

5. Miéville C. Embassytown. Pan Macmillan, 2011. URL: <http://etextread.ru/Book/Read/41643>

6. Returns of the "French Freud:" Freud, Lacan, and Beyond. Ed. by Todd Dufresne, Routledge, 1997.

7. Stephens K.R. What Has the Loebner Contest Told Us About Conversant Systems? // Operant WebSites, Inc. Retrieved 29 May 2016. URL: <http://www.behavior.org/resources/325.pdf>

8. University of Montreal. Are the effects of pornography negligible? ScienceDaily. ScienceDaily, 1 December 2009. URL: www.sciencedaily.com/releases/2009/12/091201111202.htm.

ТАИНСТВЕННОЕ ПЛАМЯ ЦАРЕВНЫ ЭЛЕКТРИНЫ (ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖЕЙ «СКАЗОК РОБОТОВ» СТАНИСЛАВА ЛЕМА)

*Смердова Е. А.
г. Пермь, Россия*

В статье даётся классификация персонажей «Сказок роботов» («*Bajki robotów*») С. Лема по таким критериям, как: а) наименование «общности», «народа» или его отдельного представителя (*Kryonidzi*); б) место проживания (*planeta Kryonia*, планета Криония; ... *tylko w przeraźliwym mrozie istnieć mogli i w pustce bezsłonecznej, ... они могли жить только при страшном холоде, в темноте и пустоте*); в) описание внешности (... *z zamrzłego oceanu wysiekł góry lodowe i z nich, jak z kryształu górskiego, wyciosał Kryonidów, ... он высек ледовые горы из замёрзшего океана и из них, словно из горного хрусталя, создал Крионидов*); г) описание поведения персонажей (... *zorze polarne łapali do wielkich naczyń przejrzystych i nimi oświetlali swoje siedziby, ... они ловили северное сияние в прозрачные сосуды и освещали ими свои покои*). Такое подробное описание объектов, существующих только в текстовой картине мира, наравне с нереферентным употреблением имён (*robosły*, робослы; *elektrycerz*, электроцарь) является одним из приёмов создания фантастической текстовой картины мира. Однако такая модель мира есть лишь оболочка, исключая особое мировосприятие населяющих его субъектов. Стил мышления Крионидов, состоящих из льда, едва ли может быть похожим на